

Научная статья. Исторические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-023-035

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ФОРМАТЕ «АСЕАН ПЛЮС ТРИ»: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Ксения Геннадьевна МУРАТШИНА¹

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

k.muratshina@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7952-6299>

Аннотация: Формат сотрудничества «АСЕАН+3» (Китай, Япония, Республика Корея) – один из видов регулярного диалогового взаимодействия, которое ведет со своими внешними партнерами Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. В данной статье автором проанализировано, какая проблематика актуальна для этой формы многостороннего сотрудничества, выделены основные его направления. Кроме того, рассматриваются особенности развития диалога и вопрос об уровне значимости этого партнерства для АСЕАН, его практической полезности для нее.

Ключевые слова: АСЕАН, АСЕАН плюс три, Китай, Япония, Республика Корея, многосторонняя дипломатия

Для цитирования: Муратшина К.Г. Взаимодействие в формате «АСЕАН плюс три»: актуальные проблемы и факторы развития // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 2, № 2 (71). С. 23–35. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-023-035

Original article. Historical science

“ASEAN+3” MULTILATERAL DIALOGUE: CURRENT STATE AND PERSPECTIVES

Ksenia G. MURATSHINA¹

¹Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

k.muratshina@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7952-6299>

Abstract: “ASEAN+3” quadrilateral dialogue is a case of ASEAN dialogue partnership with its neighbours in East Asia. This paper analyses the current trends and contents of this framework, as well as defines its key aspects. In addition, the worthlessness of “ASEAN+3” activities for the Association of Southeast Asian Nations is being discussed.

Keywords: ASEAN, ASEAN Plus Three, China, Japan, South Korea, multi-lateral diplomacy

For citation: Muratshina K.G. "ASEAN+3" Multilateral Dialogue: Current State and Perspectives. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, Vol. 2, № 2 (71). Pp. 23–35. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-023-035

Четырехсторонний формат сотрудничества «АСЕАН+3» (Китай, Япония, Южная Корея) входит в число многопрофильных диалогов, которые развивает в своей практике внешних связей Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. В силу значимости политики его участников на международной арене, исторической сложности переплетения их интересов и часто разнонаправленных целей политического и экономического курса, этот вид взаимодействия весьма необычен и потенциально противоречив. Тем не менее он реализуется сторонами из года в год, а значит, имеет для них определенный смысл. В связи с этим представляется полезным изучить его составляющие, суть и роль в регионе, выделить основные принципы функционирования и факторы развития. В данной статье вопрос будет рассмотрен в хронологических рамках с 2022 г., как времени наиболее серьезных изменений в международной системе и ускорения перехода к многополярной структуре мира.

Итак, через АСЕАН+3 в контакты с Ассоциацией одновременно вовлечены три ведущих государства Восточной Азии. Китай – член «ядерной пятерки» и одна из глобальных держав современного мира, несмотря на внутренне разнородную и местами даже многоукладную экономику, являющаяся политическим и экономическим «тяжеловесом» на мировой арене. Япония и Республика Корея – «пороговые» региональные державы (также их можно назвать державами среднего уровня), демонстрирующие успехи экономического развития и, при меньшем, по сравнению с китайским, размахе, отнюдь не меньшую интенсивность дипломатии.

2000-е и начало 2010-х гг. застали высокий уровень мировых ожиданий от развития трехсторонних контактов между этими странами. Они затрагивали на своих встречах темы ядерной безопасности, борьбы с последствиями чрезвычайных ситуаций, обмен опытом обучения персонала. Создавалось впечатление, что нужный и своевременный диалог между ними выглядел все более отлаженным и многоаспектным. Однако давние противоречия, территориальные споры, исторические трагедии многочисленных войн и современная экономическая, технологическая и военно-политическая конкуренция на

региональном и мировом уровнях оказались сильнее. Встречи в этом формате остались эпизодическими и все более редкими, ключевые проблемы – необсуждаемыми, серьезные трехсторонние проекты сохранили свой нематериализованный статус, и сейчас «тройка» продолжает существование¹ в довольно невыразительном виде, заметно проигрывающем двустороннему взаимодействию, так и не создав условий для институционализации и заметного влияния на отношения.

Вместе с тем, перечисленные факторы не мешали участникам развивать между собой экономическое сотрудничество, взаимные капиталовложения, растущую торговлю и, невзирая на обострения риторики и взаимные обвинения, продолжать обмен мнениями по ситуации на международном уровне. В свой диалоговый формат взаимодействия с АСЕАН они, по сути, пришли со своим историческим багажом отношений и проблем в них, который никуда не исчезал и в каком-то смысле является необъемлемой частью их идентичности. Можно сказать, что друг для друга трое остаются одновременно партнерами, соперниками, вероятными противниками и – на протяжении многих веков – самыми заклятыми врагами.

Их четырехсторонний диалог с АСЕАН зародился² в конце 90-х гг. XX в. с неофициального общения. Формально он был закреплен совместным заявлением 1999 г., а регулярный характер приобрел в следующем десятилетии. На современном этапе функционирование «АСЕАН+3» обеспечивается деятельностью рабочих групп и встречами на министерском уровне либо уровне старших должностных лиц, которые ведут на постоянной основе обмен мнениями и опытом по направлениям, включающим следующие: экономика (обсуждение мер по упрощению торговли, опыта работы малого и среднего бизнеса, частного сектора, цифровой экономики, устойчивого развития); финансы и деятельность центральных банков; энергетика; транспортная доступность и цепочки поставок; противодействие наркотрафику, кибер-преступлениям, торговле людьми, транснациональной преступности; консульские дела, вопросы миграции; продовольственная безопасность, сельское, лесное хозяйство, развитие сельских территорий, рыболовство; наука, технологии, инновации; адаптация к изменению климата и борьба с его последствиями; социальные и культурные связи (здравоохранение, охрана окружающей среды, обмен лучшими практиками по борьбе с бедностью, контакты женских и молодежных организаций, трудовые ресурсы, образование, культура, СМИ, туризм); социальная работа, помощь наиболее уязвимым общественным группам; коммуникация между экспертно-аналитическими центрами.

Рассмотрение контактов сторон, имевших место в период 2022–2025 гг., показывает, что у отношений сложились следующие характерные черты. Во-первых, в качестве главного направления закрепились тема безопасности, а внутри нее главенствующие позиции занимает проблематика борьбы с наиболее современными, нетрадиционными вызовами. Во-вторых, диалог можно назвать институционализированным, поскольку его форматы являются регулярными из года в год. В-третьих, заметной особенностью стало отсутствие обозначения сторонами общих взглядов на международную проблематику или выдвижения совместных инициатив в глобальном масштабе.

Совместные заявления³ «АСЕАН+3» подчеркнуто лаконичны, не содержат конкретных обязательств и как будто специально подбирают максимально общие слова для наполнения стандартных пунктов. Многое сводится к поддержке различных позитивных аспектов, наподобие экономической взаимосвязанности, охраны окружающей среды, надежных цепочек поставок и т.д., то есть вещей, которые имеют универсальную ценность для всех безотносительно этого диалога. Озабоченность негативными факторами мировой политики и экономики тоже высказывается очень общо, без конкретных умозаключений и характеристик. Не упоминается такая ключевая проблема международной безопасности, как конфликты на Ближнем Востоке, затрагивающие интересы всех участников. В заявлениях председателя со стороны АСЕАН⁴ встречаются дежурные призывы из позавчерашнего дня к денуклеаризации Корейского полуострова и слова о «серьезном беспокойстве» по поводу ядерной программы КНДР, но в совместные документы не попадают, их справедливо не пропустят китайские участники рабочих групп по подготовке текстов. О такой крупной структуре, как Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), «АСЕАН+3» говорит⁵ очень обтекаемо, без предложения значимых идей сотрудничества. Больше того, ВРЭП называется лишь на четвертом месте при перечислении структур, созданных для либерализации торговли, – после упоминания двусторонних форматов: зон свободной торговли Китай–АСЕАН и РК–АСЕАН и Всеобъемлющего экономического партнерства АСЕАН–Япония⁶.

Заявления по итогам встреч министров иностранных дел⁷ тоже не отличаются особой содержательностью. В них внимание уделено одобрению шагов, которые предпринимает АСЕАН в своем регионе, и много пространства в текстах занимает внутренняя политика АСЕАН, что, мягко говоря, странно, все-таки специализация у подобных документов обычно бывает иная. Кроме того, в них говорится о других

видах контактов «АСЕАН+3», т.е. в целом содержится излишняя информация, которая вряд ли должна была появляться в тексте, посвященном внешнеполитической сфере общения конкретных сторон. Но, видимо, эти тексты требуется чем-либо наполнить, не затрагивая спорных моментов, и тогда чисто асеановские вопросы приходят «на помощь». Также присутствуют безликая риторика по Мьянме и Корейскому полуострову, что логично и естественно в силу разности отношения партнеров к проблемам, но в целом дополнительно укрепляет впечатление дежурного характера и невыразительности общих высказываний.

Не выделяются обязательствами, конкретикой и совместными проектами и договоренности сотрудничества⁸ по отраслям экономики. Кстати, встречи в них проводятся с разной периодичностью, вплоть до очень редких (например, по социальным вопросам – раз в три года), что тоже не может способствовать интенсификации сотрудничества. Заметна тенденция, когда двусторонние начинания участников в их собственных диалоговых партнерствах с АСЕАН предпринимается попытка представить, как содержательное наполнение «АСЕАН+3»⁹.

На этом фоне главным, на взгляд автора данной статьи, практическим воплощением работы формата на сегодняшний день можно считать Рисовый резерв на случай чрезвычайных ситуаций¹⁰, учрежденный в 2011 г. в целях оперативного реагирования на продовольственные кризисы. За время своего существования он неоднократно приходил оказавшимся в затруднительной ситуации странам ЮВА на помощь¹¹. На второе место по значимости из работающих на практике начинаний можно поставить созданную в 2016 г. Службу макроэкономических исследований «АСЕАН+3»¹² (она служит для мониторинга экономической обстановки в регионе и консультативной деятельности). Помимо этого, с 2004 г. работает Восточно-Азиатский бизнес-совет – организация, вовлекающая представителей предприятий, частный сектор, т.е. способствующая прямому диалогу бизнеса стран-участниц. Еще одно практическое начинание – Программа обмена для лидеров муниципальных сообществ, действующая с 2013 г. Она позволяет обеспечивать обмен опытом в таких сферах, как борьба с бедностью и развитие сельских территорий. Также в практическом сотрудничестве стоит отметить реализуемые в рамках «АСЕАН+3» программы студенческой мобильности¹³. Еще одно прикладное направление – ежегодная подача рекомендаций по развитию формата, составленных в рамках сотрудничества экспертно-аналитических центров сторон, к саммиту «АСЕАН+3». Однако к этой процедуре есть вопросы: эксперт, не являющийся

предателем, действует в интересах своего государства. Рекомендации, которые он подаст, будут тоже выполнять задачи его государства. Поэтому каждой из стран логично только обращаться к мнению своих собственных экспертов для себя по отдельности, но не искать их у иностранных коллег – потому что интересы у каждого свои, а следовать чужим наущениям – признак несамостоятельности и слабости.

Хорошей инициативой представляется обсуждавшаяся на 28-м саммите «АСЕАН+3» идея сотрудничества в очистке морских вод от мусора. Но, похоже, она рискует так и остаться инициативой, поскольку не вполне понятно, как участники представляют себе ее реализацию при наличии территориальных споров. Очень интересно, как совместно чистить морские просторы, фактически не обсуждая морскую тематику, избегая острых вопросов и не имея возможности обговорить все аспекты, называя вещи своими именами и не начав сразу конфликтовать.

Здесь мы подходим к главному: специфическая черта рассматриваемого многостороннего диалога состоит в том, что в своих механизмах обсуждения Китай, Япония, Южная Корея и АСЕАН принципиально не затрагивают действительно значимых политических вопросов в отношениях между собой. Никому, что называется, и в страшном сне не привидится, чтобы на чинных и официально-доброжелательных, строго формальных встречах АПТ, как в АСЕАН сокращенно именуют четырехстороннее общение, обсуждали бы судоходство в Южно-Китайском море, островные споры, границы зон опознавания противовоздушной обороны, защиту от промышленного шпионажа и нарушений интеллектуальной собственности или исторические компенсации «женщинам для комфорта» либо их наследникам. Не проводится четырехсторонних операций по избавлению Юго-Восточной Азии от мошеннических сетей и бандитских приграничных казино. Не принимаются серьезных документов по борьбе с нелегальной миграцией. Не обсуждается проблема милитаризации и гонки вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в которую втянуты все участники диалога. Фактически, смотря на повестку дня многочисленных и, казалось бы, четко и разнообразно распланированных диалогов, становится понятно, что все на деле острые темы, влияющие на отношения между сторонами, в процессе коммуникации находятся под запретом.

Как такая ситуация ограниченности повестки дня влияет на ценность и суть самого механизма работы «АСЕАН+3»? Было бы не совсем правильным говорить, что она портит его, но, по крайней мере, он заметно выхолащивается и лишается долгосрочного смысла для

народов стран-участниц. Смыслы остаются лишь краткосрочными, сиюминутными: попытаться выторговать какие-то преференции для своих коммерсантов, вместе сделать оптимистичное заявление из серии «как надо и как должны» по борьбе с угрозами здоровью, договориться о том, чтобы обеспечить механизмы консультирования и иной поддержки для локального (но не трехстороннего) инвестиционного проекта.

В документах «АСЕАН+3» часто можно встретить напоминания о необходимости «усилить и углубить функциональное сотрудничество в процессе “АСЕАН+3”». Оно несет в себе сразу два любопытных момента. Во-первых, такая терминология естественным образом дает основания посчитать, что участники сами понимают: «функционального сотрудничества» им не хватает. Автору данной статьи эта фраза напомнила кочевавшие с незапамятных времен из документа в документ в российско-китайских отношениях и в Шанхайской организации сотрудничества слова о «необходимости укреплять взаимное доверие». Подчеркивая из года в год, что в отношениях что-то требуется укреплять, стороны тем самым отчасти невольно признают, что этого компонента им объективно недостаточно. Так и «функциональное сотрудничество» в «АСЕАН+3», видимо, до сих пор нуждается в том, чтобы его «углубили и усилили».

И это действительно так: с практико-ориентированными инициативами в диалоговом партнерстве далеко не всё хорошо. Несмотря на то, что стороны исправно принимают планы сотрудничества на каждые четыре года¹⁴, привлекает внимание то, как выполнение этих планов потом оценивается ими. Выражения «стороны отметили значительный прогресс»¹⁵ или «существенный прогресс»¹⁶ (видимо, еще меньше) в выполнении плана, особенно – используемые ближе к концу срока его действия, с учетом привычной бюрократам АСЕАН и их восточноазиатским коллегам политической деликатности можно считать интеллигентным эвфемизмом и синонимом того, что те или иные договоренности могли быть не выполнены вообще.

Даже во время пандемии COVID-19 страны АСЕАН получали помощь от каждой из восточноазиатских держав в отдельности (а в особенности рьяно те спасали своих граждан-мигрантов). Тогда как четырехсторонний диалог запомнился принятыми заявлениями из серии «сочувствуем, надо, должны». А слышал ли кто-нибудь в Юго-Восточной Азии о четырехсторонних с Японией, РК и Китаем великих стройках, промышленных кооперациях, научных группах, университетских партнерствах в сфере высоких технологий, модернизации железных

дорог, аэропортов или, на худой конец, крупных фестивалях культур? Нет. Потому что в реальности серьезное и приносящее ощутимую пользу всем участникам сотрудничество в формате «АСЕАН+3» нужно Ассоциации, но не нужно остальным трем. Те привыкли в отношениях с соседним регионом «тянуть одеяло на себя» и развивать против АСЕАН, как объекта (именно объекта, а не еще одного полюса мировой системы, так как еще один соседний полюс со своим самостоятельным курсом попросту не нужен никому из «тройки»), свою собственную политику, дипломатию, стратегию, силу мягкую и жесткую, строить свои собственные отношения с ней, использовать стратагеми и пытаться, в конечном счете, подчинить ЮВА себе в плане включения в свою геополитическую и экономическую сферу влияния и использования в качестве инструмента в своей внешней политике и своем экономическом развитии. Тут вообще возникает ключевой вопрос – а воспринимают ли Китай, Япония и Южная Корея, в умах реальных политиков, стратегов, АСЕАН и ее страны, как равного партнера? Вероятность такого может стремиться к нулю.

В «АСЕАН+3» есть виды взаимодействия, которые могут способствовать выполнению стратегических задач каждого из «тройки» (хотя в присутствии остальных участников это существенно сложнее), и в том числе поэтому, а не только по доброй традиции, возможно, этот формат стабильно поддерживается и продолжается. Так, любопытными для внешнего наблюдателя можно назвать диалог по вопросу минеральных ресурсов. Сама идея обсуждения – весьма далеко идущая. Она вбирает в себя и вопросы картографии, и описание в базах данных, хотя на деле пока не появилось ни выдающихся совместных проектов, ни серьезных взаимных обязательств в этой сфере. Корень, как представляется, в уже упоминавшемся экономическом соперничестве Китая, Японии и РК. Ни одно государство с инстинктом самосохранения не станет содействовать обеспечению критически важными минералами своего вероятного противника и разглашать сведения по своим запасам, базам данных и т.д. АСЕАН, в случае соблюдения запланированной тематики и глубины взаимодействия, может поставить себя под удар в смысле открытия информации и потенциальных рисков для экономического суверенитета. Возможно, само направление диалога продолжает существовать потому, что каждая из сторон, в теории, может стремиться к получению хотя бы малой толики любой стратегически важной информации по ключевым ресурсам, доступным ее визави, или даже надеяться на неправомерный доступ к такого рода информации через утечки либо личные связи между представителями команд

переговорщиков. Стоит напомнить в данной связи, что ведущие новые индустриальные страны АСЕАН вообще-то тоже являются промышленными конкурентами для своих восточноазиатских партнеров. Таким образом, мы снова и снова убеждаемся в серьезной внутренней противоречивости взаимодействия АСЕАН, Китая, Японии и Южной Кореи, сколь бы формально-выдержанным и взаимно заинтересованным оно ни было на поверхности.

Еще один примечательный вид многосторонней активности – семинары для одаренной молодежи. Можно с уверенностью предположить, что три сильных диалоговых партнера АСЕАН получают с помощью этого механизма сотрудничества как минимум рычаг для продвижения своих образовательных институтов, а как максимум – инструмент поиска талантливых молодых специалистов, которых можно переманить («утечка мозгов»). Можно, однако, и понять, почему АСЕАН пошла на введение такого формата: он позволяет рассчитывать на финансирование тех или иных программ повышения квалификации для молодых специалистов. Но цена его может оказаться для Ассоциации в будущем слишком высока.

Имеет свою специфику и включение в социокультурные аспекты партнерства «трудовой сферы». Здесь нужно понимать, что интересы у участников в этой сфере – диаметрально противоположные: одним важно «пристроить» на работу в другие страны миллионы человек трудоспособного населения, другим – выбрать только высококвалифицированную рабочую силу и не пустить нелегалов. Заинтересованность в организации миграции тоже бывает у государств в разной степени. Партнеров могло бы объединить другое – борьба с криминалом в миграционной сфере, но в это верится слабо: пока громких и эффективных многосторонних проектов в ней не реализовано.

Наконец, в «АСЕАН+3» проводится диалог по информации и медиа. Эти сферы жизни общества носят стратегический характер для государства, влияют на его единство и безопасность, поэтому какие-либо внешние связи в них могут быть допустимы только со странами-союзниками, единомышленниками, с теми, кто не желает стране-инициатору какого-либо негатива и не имеет в отношении нее далеко идущих геополитических поползновений. Что касается ЮВА и восточноазиатской «тройки», то, конечно, контакты СМИ между ними развиваются и без «АСЕАН+3», в двусторонних форматах. Но многосторонний может использоваться для того, чтобы каждый попытался получить большее влияние именно на общееасеановское информационное поле. Проблема в том, что все трое восточноазиатских лидеров по отношению к АСЕАН

не является нейтральным. Китай отстаивает свою стратегию, ему важно навязать окружающим его обществам идеи своего превосходства и «единой судьбы», Япония и РК вообще выполняют не столько свою собственную волю, сколько следуют в фарватере США. Как может повлиять на медиасферу Юго-Восточной Азии такая диспозиция? Наверное, не самым лучшим образом, потому что каждая из сторон неминуемо будет стараться влиять на соседей, географическое положение здесь играет ключевую роль.

На этом фоне, если говорить о мотивах АСЕАН, в свою очередь, сохранять этот, без преувеличения, достаточно странный формат взаимодействия, с большим количеством ограничений и подводных камней, многократно превышающим «коэффициент полезной деятельности», то их объясняет весьма говорящее выражение, укоренившееся в документах «АСЕАН+3». Это слово «процесс», которым обозначают данный вид контактов. Не «структура», не «организация», не «зона свободной торговли», не «всеобъемлющее партнерство», не «режим международного сотрудничества» и даже не «форум», а «процесс». Как бывают в международных отношениях процесс переговоров, процесс урегулирования, процесс эволюции. О чем это говорит? Для АСЕАН одновременное взаимодействие с РК, Китаем и Японией – чрезвычайно важная в имиджевом плане площадка для обсуждения, можно сказать, вечных проблем международной безопасности в Восточной Азии – киберугроз, противодействия терроризму и экстремизму, борьбы с наркотрафиком и торговлей людьми. В документах «АСЕАН+3» постоянно подчеркивается, что «процесс» общения между ними играет ключевую роль (по крайней мере, в представлении асеановцев) в усилиях по «строительству регионального сообщества», в котором «движущей силой» выступает сама Ассоциация. Отмечается, что он дополняет собой другие асеановские диалоговые форматы и должен вести к миру, безопасности и стабильности в Восточной Азии.

Практические задачи АСЕАН в «процессе» тоже следуют из его документов вполне артикулированно: Ассоциация стремится развивать борьбу с нетрадиционными вызовами безопасности, сотрудничество в финансах, сельском хозяйстве и обеспечении продовольствием, охране окружающей среды, науке и технологиях, социальной сферы и обменах между людьми. То есть ожидания АСЕАН – вполне понятны (только, надо сказать, достаточно завышены), и, учитывая весьма далекий, расплывчатый и маловероятный характер понятия «региональное сообщество», это тот случай, когда «процесс» для стран ЮВА – важнее, чем цель. И удовлетворение в нём они получают не от результатов (их не

столь много, как планировалось), но от мнения о себе и своем движении к таковым. А уж помогает ли «процесс» «углубить в Восточной Азии региональную интеграцию» или делает это в основном в представлениях асеановцев о самих себе, регионе и мире, – вопрос без ответа, по крайней мере, реалистичного и приемлемого для участников. Сейчас происходящее в рамках «АСЕАН+3» выглядит более похожим на социальный конструкт, который существует до тех пор, пока о нём говорят и поддерживают его практикой своих действий.

Подводя итог, можно сказать, что формат «АСЕАН+3», даже имея ограниченную практическую пользу, представляется важным прежде всего для самой Ассоциации, поскольку самим фактом своей деятельности демонстрирует поддержку асеановского видения региональной архитектуры международных отношений и ее «центральной роли» в Юго-Восточной Азии. Для стран ЮВА это принципиально само по себе, они вовлечены в обсуждение дел с крупнейшими государствами-соседями, и не просто вовлечены, а находятся в центре событий и управляют процессом, организуют его.

Стороны демонстрируют желание и наличие ресурсов, чтобы продолжать этот диалог, он является синонимом стабильности в регионе для них и возможностью попытаться продвинуть свои интересы. Сама его изначальная задача для АСЕАН позитивна и конструктивна по своей сути. В нынешних условиях турбулентной блоковой среды в АТР можно считать любой проект, так или иначе поддерживающий «центральную роль» АСЕАН как самостоятельного значимого актора в ЮВА и укрепляющий ее международный авторитет, положительной тенденцией. Он может быть неуспешным с точки зрения отсутствия выдающихся результатов, но значимым в контексте многополярности мира. Для России же полезным остается развитие собственного диалогового партнерства с АСЕАН, которое выстраивается на совсем иных основаниях – равнозначности интересов, внимания к мнению партнера, исторически сложившегося отсутствия споров и оснований для конфликтов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia G. MURATSHINA, PhD (History), Associate Professor, Senior Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, IOS RAS, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 16.05.2026;
одобрена после рецензирования 25.05.2026;
принята к публикации 29.05.2026.

The article was submitted 16.05.2025;
approved 26.05.2026;
accepted to publication 29.05.2026.

¹ Стрельцов Д.В. Трехсторонний саммит Китая, Японии и Южной Кореи // Официальный сайт Российского совета по международным делам. 19.06.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trehstoronniy-sammit-kitaya-yaponii-i-yuzhnoy-korei/?sphrase_id=153015458

² Overview of ASEAN Plus Three Cooperation // ASEAN official website. 14.11.2025. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/11/Overview-of-APT-Cooperation-as-of-14-November-2025.pdf>

³ См., напр.: ASEAN Plus Three Leaders' Statement on Developing of Electric Vehicle Ecosystem // ASEAN official website. 06.09.2023. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/09/ASEAN-Plus-Three-Leaders-Statement-on-Developing-of-Electric-Vehicle-Ecosystem.pdf>; ASEAN Plus Three Leaders' Statement on Strengthening the Connectivity of Regional Supply Chains // ASEAN official website. 10.10.2024. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/7.-2024-APT-Leaders-Statement-on-Strengthen-Connectivity-of-Regional-Supply-Chains_FINAL.pdf; ASEAN Plus Three Leaders' Statement on Strengthening Regional Economic and Financial Cooperation // ASEAN official website. 27.10.2025. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/10/APT-Leaders-Statement-on-Strengthening-Regional-Economic-and-Financial-Cooperation.pdf>

⁴ Chairman's Statement of the 26th ASEAN Plus Three Foreign Ministers Meeting // ASEAN official website. 12.07.2025. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/07/Final-Chairmans-Statement-of-the-26th-ASEAN-Plus-Three-Foreign-Ministers-Meeting-12-July-2025.pdf>

⁵ См., напр.: Chairman's Statement of the 27th ASEAN Plus Three Summit // ASEAN official website. 10.10.2024. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/4.-Final-Chairmans-Statement-of-the-27th-APT-Summit.pdf>

⁶ ASEAN Plus Three Leaders' Statement on Strengthening Regional Economic and Financial Cooperation.

⁷ См., напр.: Chairman's statement of the 23rd ASEAN Plus Three Foreign Ministers' Meeting // ASEAN official website. 04.08.2022. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/08/Final-Chairmans_statement_of_the_23rd-APTFMM.pdf; Chairman's Statement of the 24th ASEAN Plus Three Foreign Ministers' Meeting // ASEAN official website. 13.07.2023. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/07/FINAL-Chairmans-Statement-24th-APT-FMM.pdf>

⁸ См., напр.: Joint Media Statement. The Twenty Second ASEAN Ministers on Energy Meeting Plus Three (China, Japan, Korea) (22nd AMEM+3) // ASEAN official website. 17.10.2025. URL: <https://asean.org/joint-media-statement-of-the-twenty-second-asean-ministers-on-energy-meeting-plus-three-china-japan-korea-22nd-amem3/>; ASEAN+3 environment ministers' meeting kicks off in Laos // Xinhua. 24.08.2023. URL: <https://english.news.cn/20230824/cc18cbc6f5e04d4b977f1489bf519813/c.html>; Joint Statement of the Eighth ASEAN Plus Three Ministerial Meeting on Social Welfare and Development (8th AMMSWD+3) // ASEAN official website. 29.08.2025. URL: <https://asean.org/joint-statement-of-the-eighth-asean-plus-three-ministerial-meeting-on-social-welfare-and-development-8th-ammswd3/>

⁹ См., напр.: Emergency medical supplies delivered to Laos under ASEAN+3 framework // Xinhua. 12.08.2023. URL: <https://english.news.cn/20230812/1522c122db314d1fa5ea8d0e954bc704/c.html>

¹⁰ См. подробно Napitupulu S., Irawan L., Vidi M. ASEAN Plus Three Emergency Rice Reserve (APTERR): An Analysis on Its Role to the ASEAN Food Security in the Global Pandemic // Journal of ASEAN Dynamics and Beyond. 2021. Vol. 2. No. 1. P. 29–39.

¹¹ См., напр.: ASEAN Plus Three Strengthens Rice Reserves for Potential Climate Crisis // Bernama. 08.01.2025. URL: <https://www.bernama.com/en/news.php?id=2380263>; ASEAN Plus Three-led agency releases strategic reserve rice to Myanmar // Selangor Journal. 11.04.2025. URL: <https://mediaselangor.com/en/2025/04/260324>

¹² ASEAN+3 Macroeconomic Research Office (AMRO) // Bank of Thailand. URL: <https://www.bot.or.th/en/our-roles/international-cooperation/interorg/amro.html>; Agreement Establishing ASEAN+3 Macroeconomic Research Office ("AMRO") // ASEAN official website. URL: <https://asean.org/organisations/agreement-establishing-asean3-macroeconomic-research-office-amro/>

¹³ ASEAN+3 Macroeconomic Research Office (AMRO) // Bank of Thailand. URL: <https://www.bot.or.th/en/our-roles/international-cooperation/interorg/amro.html>; Agreement Establishing ASEAN+3 Macroeconomic Research Office ("AMRO") // ASEAN official website. URL: <https://asean.org/organisations/agreement-establishing-asean3-macroeconomic-research-office-amro/>

¹⁴ См., напр.: ASEAN Plus Three Cooperation Work Plan 2023–2027 // ASEAN official website. 08.2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/08/APT-Cooperation-Work-Plan-2023-2027.pdf>

¹⁵ См., напр.: Chairman's Statement of the 23rd ASEAN Plus Three Foreign Ministers Meeting // ASEAN official website. 04.08.2022. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/08/Final-Chairmans_statement_of_the_23rd_APTFMM.pdf

¹⁶ См., напр.: Chairman's Statement of the 27th ASEAN Plus Three Summit.